

"Труд" 5 декабря 1998.

ДОЛГИ НАШИ

Альберт ЛИХАНОВ:

ЗНАНИЕ ДЕТСТВА МЕНЯ ОБЖИГАЕТ

Беседа наша с писателем, основателем и руководителем Российского детского фонда Альбертом ЛИХАНОВЫМ началась с экскурсии по Тютчевскому дому в Армянском переулке, 11. Так он стал называться потому, что владельцем усадьбы (с 1810 по 1831 год) была семья Тютчевых. В этом доме будущий поэт провел 12 лет, написал свои первые стихи. В 1831 году родители Тютчева продали дом Московскому попечительству о бедных духовного звания. Это была не последняя метаморфоза Тютчевского дома — в советские

годы здесь размещались магазины, склады, верхние этажи занимали коммунальные квартиры... В 1988 году остатки "архитектурного памятника" были переданы Российскому детскому фонду. Он восстановил первоначальную планировку помещений, их отделку. Учащиеся Московского колледжа художественных ремесел изготовили мебель "под старину", Люберецкий ковровый комбинат по рисункам XVIII столетия выткал гербовые ковры. Патриарх подарил Детскому фонду икону Святого Николая Чудотворца со своим благословением...

Фото Валерия УТЦА

— Альберт Анатольевич, Тютчевский дом, как птица Феникс, возродился из небытия. В связи с этим вопрос: что для вас лично значит эти понятия — дом, домашний очаг?

— Все. Особенно сейчас, когда человек чувствует себя незащищенным. Только дома отходишь, отогреваешься сердцем. Нам необходимо чаще говорить о высоком моральном статусе семьи, о взаимопонимании, о любви, любви человеческой, когда один не может без другого, а не о сексе только — чем "перегружено", к примеру, наше телевидение. Это вымывает в сознании людей основополагающие представления о семье, об обязанностях детей перед родителями (а не только — наоборот...).

Судьбе было угодно, чтобы Российский детский фонд получил в свое владение этот дом, где прошли детство, отрочество и юность величайшего русского поэта. Наш долг как раз и состоит в том, чтобы помочь иным детям иного времени пробудить свои творческие силы.

— Большинство людей, говорят, делится на две категории: тех, кто сохранил в себе детство, и тех, кто, по словам Пастернака, распелескал этот "ковш душевной глубины". Как удалось сохранить верность детству писателю Лиханову?

— Существует выражение: впал в детство. А я думаю о том, как бы не выпасть из детства. Вспоминаю о нем, как о самом светлом времени своей жизни, несмотря на войну и лишения. Психологический феномен: дети никогда не жалуются на свое дет-

ство, даже если оно тяжелое. И в этом заключена величайшая детская мудрость, которая — выше взрослой. Конечно, в моем детстве не было разносолов. Картошка на рыбьем жире казалась сказочно вкусной! Мы не думали о том, кто как одет. Социального неравенства в те годы не было. По крайней мере во время той войны его не наблюдалось.

— А как было в вашем детстве с пищей духовной?

— Во время войны в Вятке было много эвакуированных ленинградцев, сумевших вывезти с собой среди прочих вещей старые книги. И вот как-то мама купила для меня два огромных фолианта — полные собрания сочинений Пушкина и Лермонтова с чудесными иллюстрациями. Они стали главными книгами моего детства и отрочества и хранятся у меня до сих пор.

— Известно: современная детская литература в России переживает не лучшие времена. Что нужно для ее поддержки?

— Нужна разумная социальная политика. Прежде всего детские книги должны быть дешевыми, иметь такую цену, чтобы их мог купить сам ребенок. Эти идеи уже осуществлялись на практике в отечественном книгоиздании Рубакиным, Сытиным... Сегодня многие городские библиотеки не получают средств на приобретение новых книг, а во многих районах закрываются вовсе. Ко мне недавно приезжали работники библиотеки из города Фурманов Ивановской области. Они говорят: мы три года ни одной новой книги купить не можем: нет денег. Библиотекари вынуждены переклеивать

старые книжки, чтобы хоть как-то продлить им жизнь. А детвора валом валит в библиотеки — книги в магазинах и на книжных развалах дороги.

— Издательство "Дом" выпустило недавно вашу книгу "Письма в защиту детства", посвященную 10-летию Детского фонда. Удивил мизерный тираж — одна тысяча экземпляров.

— Никогда бы не подумал, что придется выпускать книгу таким тиражом. В 1986 году у меня вышло четырехтомное собрание сочинений тиражом сто пятьдесят тысяч экземпляров.

— И материальное положение писателя было иным...

— В те годы у меня было на сберкнижке сто тысяч рублей. Я был уверен, что этих денег, заработанных литературным трудом, будет достаточно и мне, и моей семье до конца дней. Но время жестоко посмеялось надо мной, превратив все сбережения в ничто.

— Скажите, а писатели как-то участвуют в работе Фонда или им не до спасения сирот — выжить бы самим в такое время?

— Наша интеллигенция всегда, по-моему, была достаточно эгоистичной. Раньше, впрочем, это было не так заметно, как сейчас. Я ко многим обращался за помощью. У нас, например, есть программа "Фронтные дети Чечни". Принял в ней участие только Владимир Железников. Богатых бизнесменов, которые хотели бы помочь страждущим по собственному почину, тоже практически нет. Они еще не наелись до такой степени, чтобы подумать, как благотворнее реализовать свои излишки.

— Альберт Анатольевич, общественная работа, которую вы выполняете в Фонде, неизбежно вытесняет работу творческую, писательскую. Не обидно?

— Детская беда, детское горе настолько всепоглощающи, что мне, честно говоря, нынче не до собственного творчества. Это моя личная горькая проблема. Я, к сожалению, слишком много знаю про нынешнее детство. Это знание обжигает.

— И тем не менее книги ваши выходят, связь с читателями не потеряна. Сегодня это публикастика — сборники статей, выступлений, труды в области педагогики. Вы стали лауреатом престижной Международной премии имени выдающегося польского педагога-гуманиста Януша Корчака...

— Я получил ее за книгу публицистики "Драматическая педагогика", над которой работал много лет. Денежное вознаграждение передал в Фонд имени Корчака — для детей-сирот.

— Вам, наверное, близко жизненное кредо этого великого педагога: "Сыном мне стала идея служения детям".

— Идея Детского фонда вышла из моего детства, из моих книг. Не хотелось бы говорить о себе, но думаю, что сочувствие к людям, к детям у меня — от моей бабушки, от мамы. Они были природно щедрыми людьми, всегда подавали нищим, всегда сочувствовали сирым, униженным. У нас сегодня норма жизни — жесткий прагматизм, отрицание сострадания. Поэтому я, как могу, стремлюсь помогать обездоленным. Хотя это, к великому моему со-

жалению, часто не удается. Ведь "доброе чувство" очень дорого стоит. В прямом, а не в переносном смысле. Иная операция на сердце ребенку оценивается в Москве в десять тысяч долларов. — Есть ли у вас повод для оптимизма?

— В мировой практике механизм благотворительности хорошо отлажен. Скажем, в США пожертвования полностью освобождены от налогов. В благотворительности там заинтересованы, она выгодна экономически. В Америке годовой бюджет благотворительных взносов достигает трехсот миллиардов долларов!

На примере нашего Фонда мы показали стране, что может сделать общественная организация. За первые годы существования (с 1987 по 1991 год) мы купили на свои деньги для сиротских заведений бывшего СССР полторы тысячи автобусов и грузовиков. Сегодня осуществить подобное невозможно. Нет таких денег.

По Фонду был нанесен страшный удар во время денежной реформы начала 90-х годов. В то время на нашем счету было двести пятьдесят миллионов рублей. Мы собирали эти деньги по крохам. Из бюджета нам не помогли. Жертвователей было — сотни тысяч. Сейчас эти люди сами зачастую оказываются за чертой бедности и помочь Фонду не могут. Так что условия в России для развития благотворительности сейчас нет.

— Слышал, у Фонда хорошие отношения с Православной церковью...

— Хорошие. Совместно с Московской патриархией мы выпускаем православный журнал для детей "Божий мир", учредили орден Благоверного царевича Дмитрия — покровителя всех страждущих детей. Увы, у самой нашей церкви много проблем, и ждать помощи от нее не приходится. Сегодня народ должен помогать церкви.

— В стенах Дома Тютчевых с успехом прошли один из туров "Романсиады-98" и музыкальный салон "Труда". Вдохновителем и организатором этих музыкальных праздников стала газета "Труд". Как вы оцениваете это событие, которое наблюдали "изнутри"?

— Это был действительно праздник поэзии, романа. Стихи Тютчева всегда волновали и будут волновать воображение композиторов, певцов, слушателей. И то, что в Доме Тютчевых "жизнь заговорила вновь", воплотившись в красивые молодые голоса исполнителей, — чудо искусства, поэзии, музыки. И "Труд" в этом смысле трудится на славу. Спасибо ему за это.

Вел беседу Владимир КОРОБОВ.